

УДК 81'42

Фадеева Т.М.

Московский государственный областной университет

МЕСТО СЛОЖНОГО ЭПИТЕТА В ПОЭТИКЕ ИМАЖИНИЗМА

T. Fadeeva

Moscow State Regional University

COMPLEX EPITHET'S PLACE IN THE POETICS OF IMAGINISM

Аннотация. В статье проводится лингвистический анализ сложного эпитета, выступающего в качестве одного из основных образных средств поэтической системы модернистских течений. Исследование осуществлялось на основе языка художественных произведений представителей имажинизма. В работе сложный эпитет рассматривается как средство выразительности, отражающее основные аспекты эстетической программы имажинизма, освещаются ключевые структурно-семантические характеристики сложных эпитетов, выявленных в текстах имажинистов, предлагается описание функционально-стилистического использования анализируемого средства выразительности.

Ключевые слова: сложный эпитет, композитная единица, метафора, язык художественного произведения, имажинизм.

Abstract. The article presents a linguistic analysis of complex epithet, acting as one of the major figurative means of the poetic system in modern tendencies. The study was based on the language of art works of imagism representatives. In this paper complex epithet is seen as a means of expression. The article shows the main aspects of imagism aesthetic program, highlights key structural and semantic characteristics of complex epithets identified in the texts of imaginists, offers a description of functional and stylistic use of the analyzed means of expression.

Keywords: complex epithet, composite unit, the metaphor, the language of art, imaginism.

Сложный эпитет является центральной тропеической единицей художественного пространства русского языка. Активные эксперименты в области создания поэтических образов в начале XX в. не могли не затронуть данную разновидность эпитета. Его структурно-семантический и функциональный потенциал становятся объектом внимания в языке большинства поэтов модернистских течений, в каждом из которых использование данного тропа по-своему транслирует ключевые положения эстетической программы.

Компрессия смысла сочетается в сложном эпитете с продуцируемыми контекстным окружением семантическими приращениями, обуславливающими выразительность композитной единицы, что определяет особое место данного тропа в поэтике имажинизма:

*Не изменила, муза, ты,
Путеводительная муза,
Венцом нетленной чистоты
Чело отрадного союза
Благословенно оплела...
(В. Шершеневич. Судьба.)*

Анализируемые нами композитные единицы признакового характера демонстрируют разную степень активности в языке произведений В.Г. Шершеневича (*смычок молниеносный, огнекрасный аэро, благозвонное имя, мернобулькавший восторг, стоэтажный вымысел, отчаянно-буйная комета, я широкоокий, электронервные проспекты* и другие), А. Мариенгофа (*жирношеяя баба, беспомощно-ребятишья варежка, мертвенно-землистые веки, мучительно-нездоровые мы, немаловатоважный недостаток, некто звероподобный, бледно-сиреневые ноги, ломбардо-византийский стиль*), Н.Р. Эрдмана (*головы пятиугольный ковч*) и других.

В.Г. Шершеневич, идеолог имажинистов, в манифесте « $2 \times 2 = 5$ » эпитет характеризовал как «самый примитивный образ» [3], что, однако, не помешало именно данному тропу, как показывает проведённый нами анализ, занять одно из ключевых мест в системе образности языка произведений самого В.Г. Шершеневича и других представителей течения. Активность употребления данного «примитивного», если пользоваться терминологией В.Г. Шершеневича, образа обуславливается его открытостью к языковым экспериментам и в области структуры, и в области семантики:

Вздыхал об олонецкой избе и до закрытия, до четвёртого часа ночи, каждодневно сидел в «Столе Пегаса», среди визжащих фокстроты скрипок и красногубой, пустосердечной и площадноречивой толпы, отрыгивающей винным духом, пудрой «Леда» и мутными тверско-бульварными страстишками (А.Б. Мариенгоф. Роман без вранья.)

Этот троп в сочетании с другими лексическими, синтаксическими, пунктуационными экспериментами запечатлевает самобытность художественного пространства поэта:

Твоих губ запевающих мимовстречный бульвар

Вот одни У тебя мы Мы рядом И тотчас твой

Смех трёхцветный взвиваю

Над душою как флаг

(В. Шершеневич. Поэма имажиниста.)

В других случаях художественный образ, создающийся на основе сложного эпитета, обретает в рамках контекста дополнительную стилистическую маркированность, тем самым акцентируя на себе внимание читателя:

Стратегия Дмитрия Донского, великого князя Московского Василия, Андрея Курбского, петровеликских выскочек и екатерининских «орлов» отличалась изумительной простотой и величайшей мудростью (А. Мариенгоф. Циники).

Создаваемый имажинистами художественный образ, нередко обладает эпатажностью, которая усиливается более расширенным контекстом (*канарейки церквей, жавороночь булькота*):

Сзади: золотые канарейки церквей,

Наотмашь зернистые трели субботы.

Надо мною: пустынь голобрюхая, в ней Жавороночь булькота

(В. Шершеневич. Каталог образов.)

Включение в метафорически концентрированный контекст метафорического эпитетного комплекса *пустынь голобрюхая*, образно представляющее безоблачный небосвод (возможна, однако, и трактовка как уединённого места в вышине *пустынь* – «устар. Первоначально – уединенное место, где жил отшельник, позднее – монастырь, возникший на этом месте» [1, т. III, с. 755]).

В арсенале языковых средств, используемых имажинистами, среди других тропов метафора занимает совершенно особое место, данный факт подчёркивал сам В.Г. Шершеневич [3]. На основе проведённого нами анализа, можем отметить активное взаимодействие метафоры и сложного эпитета при создании большинства художественных образов. Рассматриваемое средство выразительности, реализующееся на переносе наименования на основе сходства, может выступать в виде объекта эпитетации, а также являться основанием для создания самой композиты признакового характера. Характеризуя различные виды эпитетов, В.Г. Шершеневич высоко по степени поэтизации оценивал именно метафорические, считая,

что синкретические уступают первым в художественности [3]. Заявления эстетической программы последовательно реализуются в языке произведений поэта: *плотнотеленные дни, краснощёкий май, хромоногий мир и другие.*

Использование метафорического образа в эпитетном комплексе как объекта эпитетации мы рассматриваем в качестве яркой характерной черты поэтики имагинистов:

*Изрыдаясь в грустях, на хвосте у павлина
Изображаю мечтаний далёкий поход,
И хрустально-стеклянное вымя графина
Третью ночь сосу напролёт...*

(В. Шершеневич. Принцип примитивного имагинизма.)

Отмечаем, что метафора, представленная в двухчленном объекте эпитетации *вымя графина* (АВ, где перенос происходит по модели А→В на основе семы «выделяет/содержит жидкость» и актуализируется за счёт предиката *сосу*), сопровождается изобразительным сложным эпитетом *хрустально-стеклянный* с дублирующей семантикой компонентов (Хрустальный. – «1. Прил. к хрусталь в 1 знач. 2. перен. Прозрачный, сверкающий. Хрусталь. – 1. Стекло высокого качества, обладающее особым блеском и способностью сильно преломлять свет. 2. Изделие, предмет из такого стекла» [1, IV, с. 860]. Стекланный. – «1. прил. к стекло (в 1 знач.). Стекланная масса. 2. Сделанный из стекла. || Со вставленными стеклами, застеклённый. 3. Такой, как у стекла, похожий на стекло (блеском, прозрачностью, звоном и т. п.). 4. перен. Неподвижный, безжизненный (о глазах, взгляде)». [1, т. IV, с. 356]), не расширяющими семантический объём композиты, а демонстрирующий теоретическую мысль В.Г. Шершеневича о художественном образе: «Победа образа над смыслом и освобождение слова от содержания – тесно связаны с поломкой старой грамматики и переходом к неграмматическим фразам» [3].

Другие эпитетные комплексы, выявленные нами в языке произведений имагинистов, могут демонстрировать иные языковые механизмы, связывающие метафору и слож-

ный эпитет, но их соединение порождает всегда необычный (иногда с затемнённым смысловым содержанием) художественный образ:

И слово в губах, как свинчатка в кулак.

А семиэтажный гусар небоскрёба

Шпорой подъезда звяк

(В. Шершеневич. Ритмический ландшафт.)

или:

*Какое мне дело, что **кровохаркающий поришень***

Истории сегодня качнулся под божьей рукой,

Если опять грустью изморщен

Твой голос, слабый такой?!

(В. Шершеневич. Ритмическая образность.)

И, конечно же, отдельного внимания заслуживает приём включения эпитетного комплекса в состав развёрнутой метафорической структуры:

*Мы живём с **белокосой модисткой тоской***

На лице её мелкие прыщики грусти

Мы милуемся с нею весь день-деньской

Пока полночь луной

В свору туч Не запустит

И запах романтики воньливый как лук

От зубов её временем жёлтых

Не за то ли

Люблю её больше прекрасных подруг

Что сердце её Словно пальцы Иголкой и

болью

Исколоты

(В. Шершеневич. Крематорий.)

Продуктивный для других модернистских течений колоративный сложный эпитет [2] не получает такого широкого распространения в языке произведений имагинистов. Так, в текстах В.Г. Шершеневича они составляют примерно 27 % от общего числа рассмотренных нами композитных единиц признакового характера (*обои дымчато-дымные, снег бледноталый* и другие), в то же время у А.Б. Мариенгофа – 65 % (*чернокосая синьора, золотоногий телёнок, красногубая толпа, пламенно-красное солнце* и другие).

Проанализированный нами материал свидетельствует: имагинисты не всегда принимали в

расчёт лексическую несочетаемость компонентов композитной единицы, что позволяет в поэтических образах увидеть реализацию идеологической установки имажинизма: образ приобретает характер самоцели [3]:

*Милая, в день моего Огнефразного Дьявола
Пусть каждый другого откровением ранит!
Я пою мотив за Вас, кто заставила
Меня опьянеть от фужера шарлатаний!*
(В. Шершеневич. День моих именин.)

Поэтическое стремление к созданию нетривиального образа (*флаг зорковыигрышный*) приводит к тому, что смысл приносится в жертву в угоду яркости, а композита, в своей структуре механически соединяющая компоненты, не демонстрирует единства их семантики (Зоркий. – «1. Хорошо видящий дальние и мелкие предметы, обладающий острым зрением. 2. Перен. Проницательный, внимательный, наблюдательный.» [1, I, с. 854]. Выигрышный – «1. Дающий право на выигрыш (в 1 знач.). 2. Выгодный, способствующий успеху» [1, т. I, с. 336]).

Окказиональный характер сложного эпитета может учитываться как ещё один способ создания художественной выразительности в палитре языковых средств, участвующих в «образотворчестве» имажинистов:

*В воздухе душном материя бродит,
Материя фейерверочно-истерическая!
Жизнь в голубой ротонде
Взмахивает палкой учительской!*
(В. Шершеневич. Забыть... Не надо...)

Образный потенциал узуальных композитных единиц актуализируется в художественном тексте за счёт употребления их с нетрадиционными объектами эпитетации:

*Жил я просто; чем другие, проще,
Хоть была так чернозёмна голова.
Так я рос, как в каждой нашей роще
Схоже с другом вырастают деревья*
(В. Шершеневич. При каждой обиде.)

Узуальная композита *чернозёмный* (*чернозёмный* – «Представляющий собой чернозём» [1, т. IV, с. 911]; *чернозём* – «Плодородная, богатая перегноем почва тёмного цвета, преобладающая в степных и лесостепных

районах» [1, т. IV, с. 911]) в структуре поэтического контекста становится определением к объекту эпитетации *голова*, что порождает в её семантике развитие метафорического значения ‘чёрная, как чернозём’.

Не такими вычурными оказываются сложные эпитеты в поэтическом языке С.А. Есенина, непродолжительное время разделявшего идеи имажинистов. Семантика композиты, её органичность и выразительность для этого поэта оказываются не менее значимы, чем яркость и самобытность. В языке произведений С.А. Есенина наиболее востребованным становится художественный образ, основанный на актуализации в эпитетном комплексе переноса признака, представленного в сложном эпитете и присущего одушевлённым предметам, что в сочетании с объектом эпитетации, номинирующим чаще всего явление природы, порождает одухотворенный образ:

*Обняв трубу, сверкает по повети
Зола зелёная из розовой печи.
Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, сгнувшем в ночи.*

(С. Есенин. О красном вечере задумалась дорога...)

Таким образом, проведённое исследование позволяет утверждать, что внимание к эпитету (и особенно к его сложному типу), декларировавшееся имажинистами в эстетической программе, получает реальное воплощение в языке их художественных произведений, а сам сложный эпитет, в силу структурно-семантической своеобразия, становится неотъемлемой частью художественного пространства одного из модернистских течений начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1957-1961.
2. Фадеева Т.М. Структурно-семантическое своеобразие колоративных сложных эпитетов // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – №5 – 2011. – М.: Издательство МГОУ. – С. 40-45
3. Шершеневич В.Г. Листы имажиниста: Стихотворения. Поэмы. Теоретические работы [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/s/shershenewich_w_g/text_1920_2x2.shtml (дата обращения: 07.02.2014 г.)